

Е.В. Пирожков

ИСТОРИЯ РОДА

Рассмотрена история рода автора. Основой данной статьи является обширная информация о дедушке автора – Харакозе Петре Ивановиче, греке по национальности, преподавателе русского языка и литературы в киргизской школе.

Автор считает необходимым знание своей родословной и делает вывод, что на примере истории предков происходит правильное осмысление настоящего.

Ключевые слова: родословная; Харакоз; Сартана; Екатерина II.

Родословная – перечень поколений одного рода, содержащий указания на происхождение и степень родства.

На Руси, как древней, так и современной, вплоть до 40-х гг. XX в. считалось правилом хорошего тона знать свою родословную до седьмого колена: сын знал не только своего отца, но и деда, прадеда, прапрадеда. Безусловно, знали это не все, однако люди, обладающие внутренней культурой, были обязаны знать. Генеалогическое дерево рода, художественно оформленное в красивую рамку, всегда висело на самом видном месте в домах знатных людей и являлось предметом особой гордости за свой род.

Составление родословной по восходящей линии шло последовательно от известного к неизвестному как по мужской, так и по женской линии; получилось по принципу смешанного восходящего родословия. Такая подробная родословная схема не является, конечно, родословием одной фамилии, так как охватывает большое число родов, происходящих от одного родоначальника и по женским линиям. Такой подход необходим для выяснения родственных связей между боковыми и отдельными родственниками.

При составлении данной работы использованы факты, рассказанные в разное время моим дедушкой Петром Ивановичем Харакозом и зафиксированные в разные годы в форме рукописей и воспоминаний. Также в работе использованы материалы из личного фотоальбома Петра Ивановича, которому я посвятил основную часть этой работы. Причиной этому послужила наиболее непростая, на мой взгляд, его жизнь, наполненная очень интересными событиями.

Мой дедушка – Харакоз Пётр Иванович (мамин папа), грек по национальности, родился 25 ноября (08 декабря по новому стилю) 1906 г. в селе Сартана

Мариупольского уезда Екатеринославской губернии Российской империи (ныне Донецкая область Украины), профессор, создатель методик преподавания русского языка в киргизской школе.

Село Сартана, как и многие поселения этого региона, уходит корнями в период переселения греков-христиан из Крыма в конце 70-х – начале 80-х гг. XVIII в.

Причины, побудившие православное население покинуть Крым – это постоянно усиливающееся нравственное и духовное угнетение со стороны мусульманского населения Крымского ханства. Готско-кафийскую митрополию в этот тревожный период возглавил великий патриот, энергичный и властный политик митрополит Игнатий, считавший главной целью своей жизни спасение своей паствы не только как христиан, но и как греков.

Используя политическую ситуацию во взаимоотношениях между Россией и Крымом, извечное стремление России получить доступ к Азовскому и Чёрному морям, Игнатий смог поднять вопрос переселения остатков (18,4 тыс.) некогда многочисленной колонии крымских греков на уровень первостепенных задач Российского государства [1].

Жалованная грамота (указ) о переселении была подписана Екатериной II 21 мая 1779 г. Этот документ составлен на русском и греческом языках и занимает пять листов.

Весной 1780 г. начался переход крымских переселенцев в Мариупольский уезд. Переходили небольшими партиями, состоящими из жителей одного или нескольких крымских селений, и оседали по своему желанию на определенных для устройства селений местах. В 1780 г. на территории Мариупольского уезда было создано 20 сел, в том числе: Ялта, Урзуф, Карань, Керменчик, Сартана и др. Названия в основном были одноименны тем селениям Крыма, где раньше жили греки.

Переселенцев объединяло христианское вероисповедание, но говорили они на двух разных языках. Были села, называемые греко-татарскими, в них говорили на татарском языке. И были сёла, в их числе Сартана, называемые греко-эллиническими. В них говорили на языке греческом (румейском) по своей грамматической основе. Лексика греко-эллинических содержала значительную долю тюркских корней.

Создать хорошую методику преподавания русского языка в нерусской школе он, по его собственной оценке, сумел потому, что с детства довелось столкнуться с трудностями его освоения. Рассказывал курьёзный случай, когда в 1918 г. он, неполных 12 лет, подавал заявление о приеме в высшеначальное училище, в которое была преобразована школа, и написал: высше-

нОчальное. Вспоминает: «Папа мне говорит, надо «а» писать, а я не согласился. Так и осталось нОчальное».

Для Петра Харакоза русский был вторым языком, и это сыграло роль в его последующей деятельности [2].

В 1913 г. он поступил в министерское двухклассное училище в родном селе. В 1918 г. училище преобразуется в высшее начальное, которое он окончил через три года. До 1924 г. Пётр Иванович работает в своём хозяйстве. В 1924 г. вступил в комсомол. В том же году – в 7-й класс Мариупольской Комиссариатской школы (в селе не было 7-го класса), так как в 1918–1921 гг. школы большую часть года не работали и свидетельство об окончании высшеначального училища не доказывало о соответствующих знаниях.

В 1925 г. окончил 7-й класс, вернулся в село, работал ответственным секретарём комсомольской ячейки.

В 1926 г. поступил в Мариупольский педагогический техникум (для вуза, куда хотел поступать, не хватало подготовки); подготовившись, оставил техникум и поступил в 1927 г. в Таврический университет на литературно-лингвистическое отделение. В том же году университет был преобразован в Крымский педагогический институт.

Среди вступительных экзаменов в университете была обязательная письменная математика – университетский уровень образования подразумевал владение всеми основами науки. Задача показалась ему слишком простой: «Не может быть, чтобы такую простую дали; наверное, не понимаю условие», – и не стал её решать, ушел с экзамена. Спасло собеседование, на котором после вопроса удивленного экзаменатора «Что ж вы с простой задачей не справились», недоразумение разъяснилось. И деда приняли.

Окончил вуз в 1930 г. и был направлен в г. Читу, а оттуда – в Александровский завод, в ШКМ (школу крестьянской молодёжи) учителем.

Дедушка Петр вспоминает: «...доехали до станции Борзя, от неё до Александрова Завода 130 верст. Ехали на лошадях. Через 60 вёрст ночевали в степи. Купили за 3 рубля овцу, покушали шашлыками (учительский оклад был 108 рублей) <...> После Забайкалья вернулся в Сартану, в семилетке работать не хотелось, выжидал, чтобы призвали в армию. Вызвали осенью... После армии был завучем, но не был удовлетворён...» [3. С. 108–109]. Через год уволился и вернулся в родное село. Из комсомола выбыл как переросток. С осени 1931 г. работал учителем ШКМ в Сартане.

После института было Забайкалье, затем возвращение в родное село. В семилетке работать не хотелось, дождался призыва в армию, с высшим образованием попал в набор одногодичников. С 31 марта по 10 ноября 1932 г. – в

команде одногодичников 238-го стрелкового полка. Уволен в запас в звании командира пульвзвода – и снова в сартанский ШКМ учителем и завучем. Чувство неудовлетворенности, хочется чего-то большего. Хотелось в техникум, но свободных мест в Мариуполе не находил и выехал осенью 1933 г. в Среднюю Азию.

И поехал искать судьбу в Киргизию. Его сманил туда друг односельчанин, Котя Малай, геологоразведчик. Там, в районе сулюктинского месторождения бурого угля возобновлялись поисковые работы. Вместе двинули в Среднюю Азию. Проездом в ноябре 1933 г. Пётр Харакоз сделал попытку найти работу в Ташкенте, но в вузах было всё укомплектовано. Тогда решил идти с другом в буровую партию.

Но в Сулюкте всё решилось иначе. Узнав, что мой дедушка (Петр Иванович) по образованию учитель, сказали «Нет, как можно, с таким дипломом! У нас в школе кадров не хватает» [1].

И уговорили, дедушка пошел в школу. Он всегда увлекался литературой, думал, именно это его призвание. А тут столкнулся с проблемой – ученики плохо говорили по-русски! Надо было найти способ, как научить их. Чтобы говорить о литературе. Чтобы читать стихи и ставить пьесы. Так с 1933 г. начался киргизстанский период его жизни. Основной период, растянувшийся на пятьдесят с лишним лет. Тогда же он увлекся рисованием. На любительских снимках того времени вполне характерные сюжеты. Другое увлечение – драмкружок. Он был там режиссёром и суфлёром.

Украинская тема – повод для ностальгии. Поэтому на рисунках то парус на морском просторе, то баркас на тихой воде, то церковь в родном селе Сартана. Церковь была разрушена в известные лихие времена и восстановлена в 2005 г. [4].

Из лихих времен нельзя не рассказать важный эпизод. Дедушка был завучем в сартанской школе (1932–1933). Здесь важно представить себе атмосферу того времени. Село с устоявшейся патриархальной социальной структурой, ещё не порушенной. Новый страшный голод – «голод коллективизации». Вновь продрозверстка – «изъятие излишков», так это тогда называлось; ходит по домам комиссия и «излишки» зерна изымает. И было властям важно, чтобы в такую комиссию входила не только сельская беднота, надо интеллигенцию вовлекать. А тут молодой перспективный учитель, комсомолец, активный – ведь новую жизнь строили. Петра Ивановича вписали в комиссию.

И вот, рассказывает он, пришли в дом. Комиссия – кто куда: кто в амбар, кто на чердак, кто в хлев. Дедушка заходит на кухню. Сидят старик и женщина с двумя детьми, худющие. Дедушка (Пётр Иванович Харакоз) проходит

мимо печки и замечает, как окаменели их лица. Поднимает вьюшку плиты – там завернутые в бумагу «излишки», сколько их там в печке можно было поместить, в слабой надежде спасти детей от голодной смерти... Кладет вьюшку на место. Комиссия собирается, ничего нигде не нашли, двинули со двора. Старик семенит за Петром, трогает за рукав и спрашивает: «Чей ты сын?..» Нет оценки выше...

Но вернемся в Киргизию, во Фрунзе. Отсюда он уходит на фронт и участвует в боях на подступах к Москве. Заместитель командира роты автоматчиков 385-й стрелковой дивизии. Об этом периоде, к сожалению, мало что известно. Дедушка и бабушка не любили рассказывать про войну. От бабушки известно только, что на войне много вшей. А у отца сильнейшее впечатление: за все фронтовые месяцы – а его ранило на Смоленщине 22 февраля 1942 г. – он ни разу не видел наших (советских) самолетов, только немецкие. Ранение было удачное, касательное в брюшную полость навылет и разбита кисть правой руки. Жив, но к строевой службе непригоден. Госпиталь в Калуге, Подольске, Казани, потом – домой. Как офицер запаса служил военруком и учил молодежь стрелять из мелкокалиберной винтовки. Благодаря этому его семья не сильно голодала в военные годы – он экономил выданные для учебы патроны и мог потом выйти с мелкашкой в поле пострелять ворон для пропитания. Дело было весьма непростое: ворона – птица умная и быстро научается отличать винтовку от палки и держаться на расстоянии выстрела.

По окончании войны – на старую работу в педучилище. С 1 сентября 1948 г. приглашён старшим преподавателем по методике русского языка в Киргоспединститут, который в 1951 г. преобразован в университет.

Осенью 1952 г. переведён заведующим кафедрой русского языка и литературы в заочный пединститут. В 1956 г. защитил диссертацию на соискание степени кандидата педагогических наук. С 1957 г. – доцент.

В 1959 г. заочный институт как самостоятельное учебное заведение упразднили, Пётр Иванович переведён в Киргосуниверситет на должность доцента кафедры методики русского языка, а в 1960 г. утверждён в этой должности и по конкурсу.

После войны встретился с Ольгой Михайловной – своей будущей (второй) женой и моей бабушкой. Он работал в педучилище, а она была студенткой.

В начале 1950-х гг. был построен дом. На стенах висели его цветные карандашные эскизы, заправленные в самодельные паспорта, – это были киргизские горы. Последний рисунок сделан в 1954 г.

Петр Иванович получил следующие награды: орден Отечественной войны II степени, медаль «За оборону Москвы», медаль «За победу над Германией»,

медаль «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны», звание заслуженного учителя школы Киргизской ССР, Почётную грамоту Президиума Верховного Совета Киргизской ССР, значок «Отличник просвещения».

Дети: от первого брака – Георгий Харакоз 1935 г. рождения. С 1950-х гг. живёт в Ленинграде (Санкт-Петербурге).

От второго брака: Дмитрий Харакоз 1949 г. рождения. До 2012 г. проживал и работал в г. Пушкино Московской области. Сын Алексей 1977 г. рождения и дочь Зоя 1987 г. рождения (названа в честь своей прабабушки Зои Дмитриевны Харакоз).

Ирина Харакоз-Амзаракова 1950 г. рождения. С 1974 г. живёт и работает в г. Абакане, Хакасия. Двое детей – Максим 1976 г. рождения и Пётр 1983 г. рождения.

Вера Харакоз 1953 г. рождения. Проживает в Абакане.

Харакоз (урождённая Бадикова) Ольга Михайловна – жена Петра Ивановича Харакоза, моя бабушка – родилась 20 ноября 1923 г. в с. Мазурка Песковского района Воронежской области.

Как и во многих других семьях, Великая Отечественная война оставила глубокий след в истории моей семьи. Оба моих дедушки и моя бабушка Ольга Харакоз воевали на фронте. А вторая бабушка в годы войны трудилась в тылу.

Много я узнал о профессиях родственников. На примере моей семьи я понял, что любые испытания и невзгоды можно преодолеть, если рядом с тобой родные надёжные люди, которые придут на помощь в трудную минуту. Зная, кем были наши предки, мы по-другому осмысливаем свое положение в настоящем!

Литература

1. Савелова И.И. Греки: История и современность / И.И. Савелова, И.Г. Савелов, Е.И. Милехина. Бишкек, 2001. 472 с.
2. Автобиография Петра Ивановича Харакоза от 12 января 1961 года.
3. Харакоз Д.П. Есть в прошлом манящая тайна... Пётр Иванович Харакоз. Биография в рисунках и фотографиях / Д. П. Харакоз // Журнал о русской культуре за рубежом «Иные берега». М., 2011. № 4(8). С. 106–113.
4. Фотоальбомы семейные.